

ринат валиуллин не дура

Однажды она влюбилась
в себя, и жить стало легче.

Ринат Рифович Валиуллин
Не дура
Серия «Проза для гурманов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64036406

Не дура:

ISBN 978-5-17-133689-9

Аннотация

В жизни каждой женщины наступает момент, когда хочется побыть красивой, влюбленной и независимой, одним словом – не душой. Только как же этого состояния достичь, если начиная с детства всех учат хорошим ответам. И незаметно за полосой бесконечных компромиссов теряется личность. Многие так и остаются отличниками и хорошистами. Они всю жизнь бьются за оценки, пытаются кому-то понравиться. «Не дура» – это двадцать позитивных историй о том, как необходимо всем слово «нет», чтобы заново полюбить себя.

Содержание

Экзамен	5
Не переживай	11
Мужество	19
Исповедь	25
Муза	30
Спутник	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ринат Рифович Валиуллин

Не дура

*Эта книга заставит вас поверить в
собственную красоту.*

Искренне ваш В. Ринат

– Какие планы на жизнь?

*– Дурой вдруг захотелось побыть: красивой,
влюбленной, богатой.*

© Р. Валиуллин

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Экзамен



Разногласия между мужчиной и женщиной возникают от того, что одним хочется любить, а другим просто хочется. И где-то после тридцати пяти они меняются ролями. Мне двадцать два, с любовью я более-менее разобралась: я любила кино. Но возможна ли большая любовь без влюбленности? Судя по тому, через что надо было пройти к этой любви, влюбленностью и не пахло. Для этого достаточно было

посмотреть на судей. От присяжных несло равнодушием и высокомерием.

– Что будете читать?

– «Влюбленность».

– Так что такое влюбленность?

– Представьте себе океан: красивый, манящий, сверкающий; ты хочешь в нем искупаться, но волны немного пугают. Заходишь не спеша по колено и гладишь ладонями, хочешь ему понравиться, вдохновляешься брызгами смеха, волшебными рыбками впадин и выступов, они привлекают внимание; наконец, ныряешь, плаваешь долго, часами, счастливый, улыбаешься солнцу, вот оно счастье. Бросаешь монетки, чтобы скоро снова вернуться. Но отпуск, каким бы он ни был, заканчивается.

– Влюбленность проходит?

– Потопчется и проходит, океанов так много, в которые тоже хотелось бы окунуться.

– А если в другие не хочется, если все время возвращаешься мысленно к этому?

– Влюбленность стала любовью, и это уже серьезно.

Я закончила и попыталась стряхнуть с себя многогранный взгляд членов комиссии.

Один все время смотрел на мою грудь, другая – на зубы, третья – в глаза, и взгляд этот был не добрый. Хуже всего было с четвертым, он смотрел в свой телефон и этим больше всего отвлекал. Лишь у одной дамы, с розочкой в петлице

пиджака, в глазах плескалось море. Первая любовь затянула поволокой ее глаза. Она погрузилась в грезы давно минувших дней. Повисла неловкая пауза, ни ветерка.

– Ну, что же, – очнулась последняя раньше других, – вы только забыли назвать автора.

– Я.

– Значит, из скромности. Вы знаете, что скромность – первый враг актера?

– А какой второй?

– Второй? – не ожидала она вопроса. – Как и у всех – лень. Что приготовили из классики?

– «Чужая жена и муж под кроватью» Достоевского.

– Не люблю ревнивцев. У меня муж такой, – только что в глазах у нее плескалось море. Влюбленность уходила. В море вошел муж по колено, остановился и стал всматриваться в горизонт. Ей снова стало сорок пять. Обыденностью затянуло горизонт. Если здесь, на работе, еще было какое-то проветривание, то дома – кухня, семья, рутина, классика в быту и в постели.

– Вторая фаза влюбленности, – пошутила старушка, которую в кулуарах звали «Зубная фея», так как она всегда смотрела в зубы абитуриентов. Возможно, в ней умер хороший стоматолог. На вид старушка была вполне себе приятной и кроткой, если бы не уродливый шиньон и не вызывающе красная помада.

Я знала, что на прослушивании все решает симпатия, да

и не только на прослушивании. Это как любовь с первого взгляда, либо возьмут замуж, либо «пока». Я люблю смеяться, а этим нужна была драма, драматических любят больше, всем нравится, когда девушки страдают.

– Вы уже не первый раз поступаете?

– Не первый.

Уже не первый год я ходила на прослушивания в четыре главных актерских вуза: ГИТИС, МХАТ, «Щепку» и «Щуку»

– Мне кажется, это не ваше.

– Почему?

– Прикус неправильный. Сколько вам лет? – наконец-то оторвался от своего телефона один из членов комиссии.

– Двадцать два.

– Да и старая вы уже для актрисы, – поддержал его дедушка, который все прослушивание смотрел на меня с открытым ртом. Наконец молвил.

– А вам сколько? – стало мне неожиданно смешно и до лампочки.

– Восемьдесят пять.

Члены комиссии невольно улыбнулись. Все знали, что он берет к себе только семнадцатилетних блондинок с ногами от ушей.

Я читала Достоевского, все больше чувствуя себя здесь чужой женой. Хватаясь рукой за «Щепку» в открытом океане чувств. Театральный – это школа выживания. Я искала

дверь, чтобы в нее зайти.

Вспомнился ГИТИС, где держали перед экзаменом около дверей, из которых время от времени выходила тетка и кричала фамилии для прослушивания. Там из-за неправильного прикуса мне сразу сказали – «до свидания». Плакать можно было уже здесь, но я держались до последнего. Слезы здесь – типичное дело. Идешь к университету, а навстречу просто река слез тех, кто не прошел. Они поплыли. Поступление в театральные – безжалостное зрелище. Чистой воды дискриминация, но что делать: мастер набирает материал, из которого он сможет смастерить нужных ему марионеток. Дергай потом талантливо за нитки, чтобы это красиво выглядело из зала. Мастер пробует всех на вкус; надо быть не только съедобным, но и вкусным, чтобы попасть к нему в мастерскую. А на тебя смотрят, как на поганку в лесу, которую даже ногой пнуть лень, в лучшем случае – как на ложный подберезовик.

Один сказал, что ему не нравятся ямочки на щеках, когда я улыбаюсь; кому-то не понравились пальцы; где-то попросили юбку задрать, чтобы на ноги посмотреть.

В годы моего поступления не было ни дня, чтобы я не видела какую-то плачущую девушку. Я сама была этой плачущей девушкой. Наконец я отпустила мужа, его жену, Достоевского.

– Ну что вы скажете? – спросила дама с шиньоном.

– Пусть еще годик поработает над речью, – ответил мистер Айфон.

– А плакать умеете? – вдруг очнулась женщина с розой, к которой снова вернулась влюбленность. По глазам было видно, что она бы с удовольствием послушала это стихотворение еще раз.

– Да.

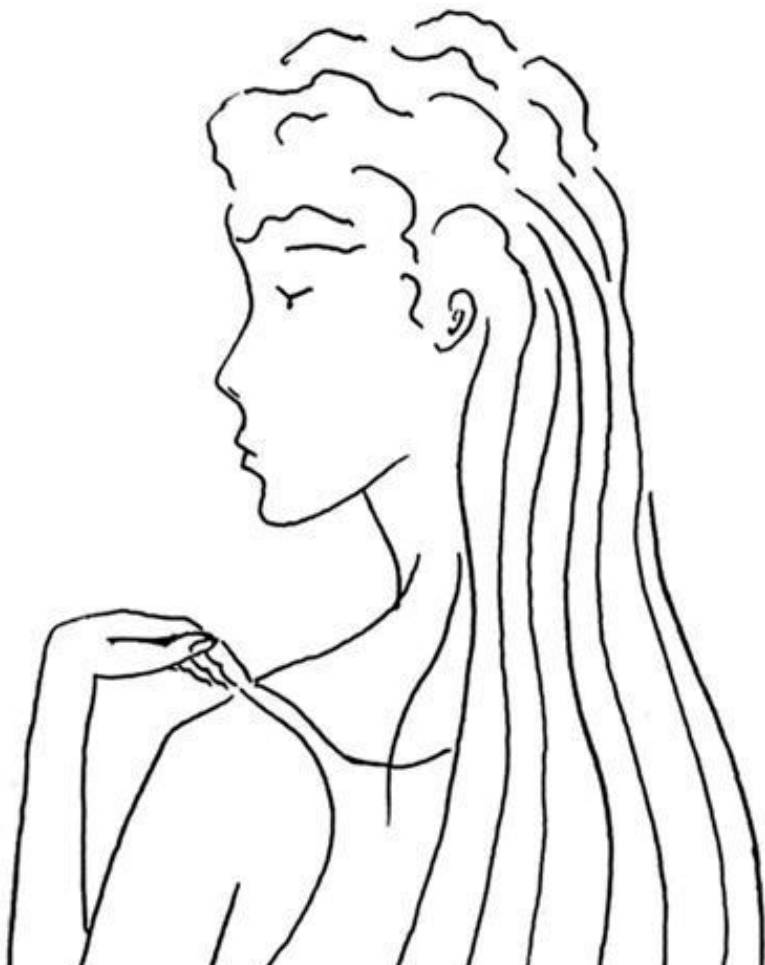
– Давайте.

– Не улыбаться, а плакать.

Я рассмеялась. Это был протест против всей системы Станиславского, и я смеялась все громче и громче. Стены дрожали. Члены комиссии смотрели на меня, как на безумную и тоже начали улыбаться. Не знаю, сколько времени я хохотала, потом подошла к двери, дернула ручку, вышла наружу, затворила ее за собой и оперлась спиной, слезы так и потекли... Сквозь них – только удивленные лица абитуриентов. Через минуту я почувствовала, что кто-то толкает меня в спину. Дверь. Она открылась:

– Мелихова, вернитесь на минуточку.

Не переживай



– Молодость – личное дело каждого. Женщины снова становятся девушками, как только начинают себя любить, независимо живут ли они здесь или за границей, в городе или на селе.

– Независимость – самая сильная сторона красоты!

– Здравсьте, – явилась на кухню широкая добродушная ми-на огромного мужчины и разорвала беседу. Он подправил свои лихие усы и улыбнулся сразу всем. На кухне стало светлее. Хохол всюду за собой тащил праздник. В любую погоду он был весел, улыбка не сходила с его усов. Бывает ром-баба, а это был ром-мужик, и глазурь хитрецы придавала ему дополнительного шарма. Особенно очарователен был его русский язык с украинским почерком. Суржик.

– Категорически согласен. Красота – смерть как важна для женщины, – посмотрел он на меня. – Пахнет драмой, трагедия, не иначе, – повел он носом.

– Да, Даша уезжать от нас собралась, – вздохнул Палыч за всю коммуналку, которая в юной Даше души чаяла. Это был тот редкий случай, когда один человек мог понравиться всем соседям. Но как она могла не нравиться, умница и красавица, получившая здесь комнату от государства после детского дома, как сирота.

– Зачем?

– Долго рассказывать, – парировала я.

– Дальше учиться пойдешь? – махнул ему головой Палыч, выскребывая из кастрюльки остатки каши в кошачью миску.

– Не знаю. В Питер хочу поехать. А там посмотрим.

– Почему в Питер?

– Там классно.

– А здесь не классно?

– Кислота сплошная, – ответил за меня Хохол и рассмеялся.

– Питер – хороший город, я там с Полиной познакомился. Думал, что однолюб, куда там. Думал, после Танечки никого не смогу. Куда там. Раз увидел и влюблен! Пришлось даже в театр устроиться осветителем, чтобы только видеть ее. Бежи` ты отсюда, Даша, что есть ноги – бежи`, – набрал Богдан в чайник воды и поставил на плиту. – Здесь болото, – взял он с полки фарфоровую кружку и заглянул в нее, дунул и поставил на стол. Кинул туда пакетик чая и подошел к единственному окну на кухне.

– Питер тоже на болоте стоит, – заметил Палыч.

– Это другое, другое болото – культурное. Там что ни дядька, то поэт, что ни барышня – то муза. Место, чтобы сходить с ума, главное найти с кем. А если не нашел, считай, хана, либо сопьешься, либо покроешься весь одиночеством.

– Я бы тоже поехал, только не учиться, сыт я знанием, знала бы ты, как меня науками вымучила жизнь, решая судьбу мою несчастную! Всякого вижу насквозь. От кого, чем несет, каким интересом.

– Так прямо и каждого.

– Возьми любого сейчас. С виду паныч, а на деле обык-

новенный мещанин. Это только сверху на нем культура. А ноготком поскреби, сразу увидишь, из чего сделан фасон.

– Так ты – психолог, Богдан, а я думал – осветитель.

– Не ущемляйте моих достоинств, слушайте сюда! Стройка – это для денег. А для души что? Семья нужна.

– Чего же ты не женился.

– Не знаю. Сначала я думал, что я однолюб. В молодости очень хотел жениться. Даже девушку встретил. Цыпочка, каких мало. Как увидел Танечку, так вопрос встал во мне во весь свой человеческий рост. А захочет ли вона? Я к ней и так, и эдак. Ну не губите моего сердца! Дайте из уст ваших напиться родниковой воды. Как увижу ее в груди прямо цунами! Будьте моей женой! Жить без вас никак не можно!

– Не можно, это сильно, – усмехнулся Палыч.

– Вот и я говорю: не можно. Как завижу ее, кровь в горилку сворачивалась. А все потому, что молодость. Я был молод, и вера была в любовь с первого взгляда. Эх, с такой бы роман завести, но красота такая, что можна только драма, не иначе. Об этом я понятия еще не имел. Мы даже ходили с ней в кино – эскимо, георгины, – снял Богдан свистящий чайник с плиты и залил в свою кружку. – Она смерть как любила мелодрамы. Я тоже за ней, так и полюбил... в сумерках синематографа куда без поцелуев. Обнимались и целовались, пока свет дадут.

Хохол уставился в одну точку, как в экран, и замолчал, будто сейчас должен был начаться тот самый фильм.

– А у тебя как на личном фронте? Есть парень? – спросила меня неожиданно Анна Андреевна.

От ее неожиданности ложка упала из моих рук.

– Что вы про это допытываетесь? Видите же, ей конфузно. Она же барышня. Разве вы не знаете, как невинной девице стыдно за ваши такие вопросы, да еще в девять утра?

– Ну и что, что барышня? А стыд – это тоже поправимо.

– Вы такая красивая, а не имеете никакого понятия до женской скромности.

Глафира не знала, как ответить на этот комплимент. Богдан, по простоте своей и щедрости душевной, мог запихнуть в одну фразу и комплимент, и критику. Глафира только улыбнулась в ответ.

– Мы полюбились друг другу, пока не узнал я ее родителей, – продолжил свою историю Богдан. – Она поначалу не хотела. Так без этого ж никак нельзя обойтись. Все равно ж родниться придется. Те оказались редкими скупердями, каких свет не видал. Я им: слушайте сюда. Мы любимся с вашей дочкой. Они мне сразу оценку дали, как будто я не на пороге, а на витрине в супермаркете стою. Но что я мог ей, барышне, предложить, чем я мог рекомендовать себя? Любовь люблю, а рупь за рупь. Женщина в ней жила в каждом движении, она даже вздыхала благородно, такая не будет водиться лишь бы с кем. Приспичило мне, но что я мог ей противопоставить. За мной ничего, одна неопределенность сплошная. Услыхал, что в Москве можно было быстро разбогатеть. По-

ехал, поработал там на рынке, на стройке, на подхвате... Не вышло с Москвой – разные мы оказались, не сдюжили. Как на зло, еще этот кризис. Обкатала меня судьба, в конце концов выбросила на обочину. Не прошел, короче, обкатку.

– Прямо-таки на обочину? – оскорбился Палыч.

– А что, не обочина разве? Окраина, провинция, край, ты как хошь назови, все одно – болото. Поначалу даже письма цыпочке своей писал, пока она замуж не вышла.

– Вот те на... – вздохнула Глафира Павловна.

– Вышла и вышла, адью и на том мерси, что не придавили меня своими чувствами.

– А как же любовь?

– Не говорите мне про любовь, это – катастрофа!

Все рассуждения Богдана сводились к тому, имеет он в этом понятие или нет.

Но даже не имея его вовсе, он все равно привносил в эту драматургию дома свою комедию.

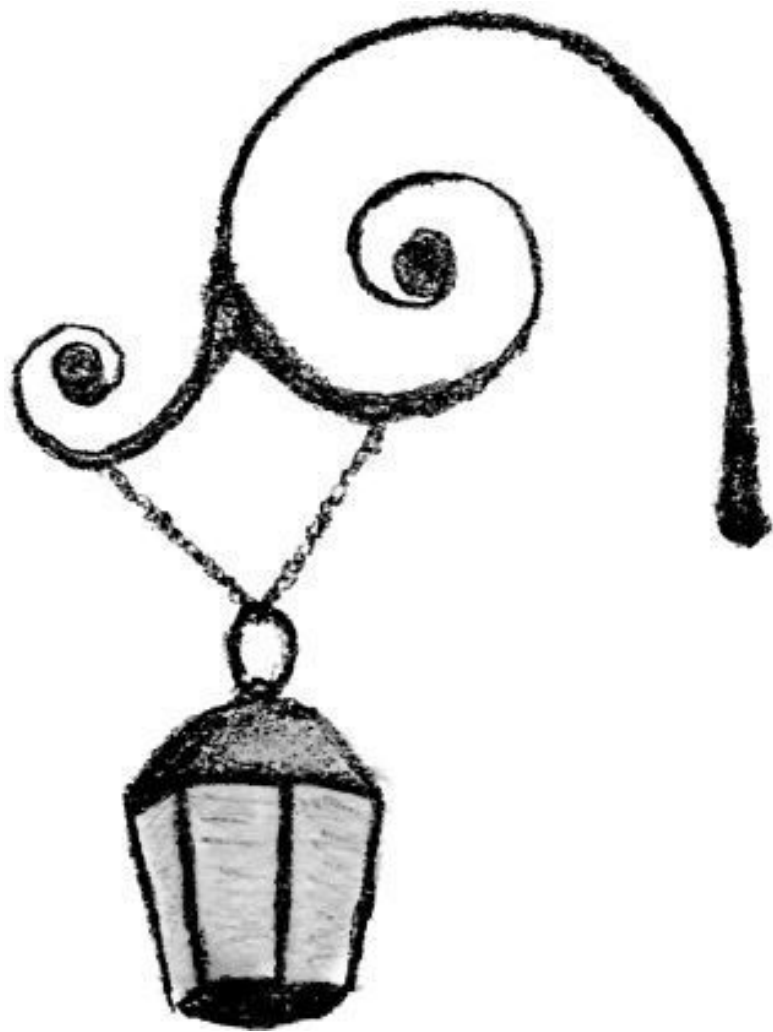
– Не горюйте, душечка. Хотите, я вам кофейку сварю? – глотнул громко из своей кружки чаю Богдан. – Хороший, ни в одном кафе такого не сыщите. Ишь, побледнела. Да не пугайтесь вы так. Э... вижу, без мужчины тут не обошлось. Все драмы от них, то есть от нас. Любим мы, наговорим с три короба, наобещаем, а там для девушки одни страдания.

– Ах, какая жаба! Позвонил и все настроение барышне испортил. Милочка, на тебе лица нет, иди-ка ты, возьми зубную пасту и отмой все его поцелуи. Какие твои годы, ты по-

том сбоку себе такое крем-брюле заведешь, что все подружки обзавидуются.

– Спасибо, – не смогла я не улыбнуться Богдану. – Только подруг у меня нет.

– Заведутся. Куда они денутся. Будь я помоложе, я бы с тобой такой карамболь закрутил. Вы же краля, каких мало. Не забывайте об этом никогда. Помни, красота – твое главное оружие.



Мужество



– Я же вижу, что любит. Но почему тогда он избегает меня?

– Ты слишком женственна.

– Разве это плохо?

– Нет, не плохо. Но у него нет столько мужества.

– Не думаю, у него как раз мужества хоть отбавляй, – накинула я на себя пальто и встала к зеркалу, чтобы довести образ до идеального и соответствовать отражению.

– Ты опять к нему? – вдруг испортилось настроение матери. Мать всегда начинала мягко, как настоящий психолог, но потом срывалась и становилась сама собой – матерью, для которой счастье дочери было виднее.

– Ты извини меня, он, конечно, красивый, но он же калека, зачем он тебе?

– Какая же ты бесчувственная.

– Зато ты одно сплошное чувство. Как ты собираешься с ним жить?

– Я еще никуда не собираюсь. Просто люблю я его, мама, как ты не можешь понять.

– Могу, очень даже могу.

– Не будь дурой. Он же вечно будет в своей коляске сидеть, а ты молодая, красивая...

– Не буду, и он не будет.

– Да как не будет.

– Не знаю, не будет. Ладно, пошла я, – поцеловала я на прощание маму.

– Зонт возьми, вдруг дождь.

– Сегодня не обещали, – повиновалась я словам матери, которая протянула мне зонт.

– Осенью без зонта нельзя.

* * *

Я катался на коляске, как и все мои ровесники; я не замечал, что что-то со мной так. Но в один прекрасный день заметил, что все, оказывается, давно пошли, а я до сих пор в коляске. Я спросил отца. Он, потупив взгляд, сказал, что мое время еще не пришло. Я долго думал, почему я не могу пойти к нему навстречу. И спросил об этом маму. Она успокоила меня, что все хорошо. Помню потом поход к врачу: мы частенько ходили в клинику на всякие процедуры, но этот прием мне запомнился особенно, когда тот спросил, есть ли у меня друзья?

– Нет, – ответил я ему.

Он грустно улыбнулся:

– Без друга тебе будет трудно.

– Где мне его взять?

– Ну если друга нет, то надо его придумать.

Прогресса особого не было, врач посоветовал нам плавание. Это единственный вид спорта, где мышцы ног могут включиться. Плавание оказалось для меня тем самым другом, с которым мы стали не разлей вода.

Папа с мамой привели меня в бассейн. За мое воспитание взялся молодой тренер Фаниль. Родители водили меня сначала три раза в неделю. Что-то в этом было – в воде. Я быст-

ро начал плавать за счет того, что руки мои были сильными, а ноги просто повиновались телу и висели сзади балластом. Но плавать у меня получалось все же быстрее, чем ходить, и гораздо гармоничнее. Это была песня, по сравнению с той заикающейся мучительной речью.

Родители были настырны, и еще одержимее оказался тренер. Скоро я стал плавать за сборную страны в Параолимпийских соревнованиях и разговаривать не хуже дикторов телевидения. Все эти успехи я переживал вместе с матерью, потому что отец, вскоре после начала моих занятий в бассейне, уехал. Ни много, ни мало – в Антарктиду на полтора года. Так и мотался потом: полтора года здесь, полтора – там. Без отца было, конечно, как без опоры – все равно, что ходить без палки, но я понимал, что работа есть работа. Мне только не нравилась его борода, которую носил каждый уважающий себя полярник, а отец себя уважал, это было понятно из его писем. Сейчас я понимаю, что он бежал от действительности. Я его разочаровал как сын, а сестра как дочь, так как вышла замуж за границу, за какого-то итальянца, который был ровесником отцу, хотя отца расстроил больше не возраст жениха, а сама измена Родине. Именно так он воспринял этот шаг. Возможно, потому что Родина была той единственной, кого он беззаветно любил. Может, и мама разочаровала его как жена... Может, но вряд ли. Все же она его любила и всегда ждала. А куда еще бежать? Антарктида – самое место. Все полярники бежали от себя. Дальше уже

некуда. Там покой, там тишина и вечность. Вечная мерзлота, где можно было заморозить на время душу. У него была заморожена душа, у меня тело. Мне так и не удалось встать и пойти. Сколько раз я пытался встать и пойти, но все время падал. Я никак не мог найти той опоры, что помогла бы сделать мне шаг. Для этого требовалась сложная операция, за положительный исход которой никто не ручался, но мое желание избавиться от костылей и проклятого кресла было велико, а самое главное: я смогу оттолкнуться от тумбочки на старте, а не просто плюхнуться в воду... Наконец, операция, о которой Анна ничего не знала (я сослался на соревнования сборы) состоялась. По словам доктора, если реабилитация пройдет успешно, то где-то через полгода, я смогу сделать первый шаг. Полгода – целая вечность, у меня столько не было.

* * *

Мы долго гуляли с Анной в парке, точнее сказать, она гуляла, а я катался в коляске с приводом. Анна с любовью собирала красивую павшую листву в один яркий букет, мы болтали обо всем подряд, иногда замолкая, будто боялись испугнуть эту красоту. Я любил осень. Это время подсчитывать урожай Адамовых яблок после бурных летних ночей. Пусть даже женщины уже спрятали свои выдающиеся детали страсти в ткань, и воздух относится к тебе с прохладцей. Вместе

с мыслями, которые спокойны и свежи, ты вдыхаешь торжественный фейерверк леса. На улице пахнет дынями, они выступают золотом из декольте осени, напоминая тебе, что все еще будет, будет гораздо слаще, только попробуй.

– О чем мечтаешь? – разорвала она затянувшееся молчание.

– Не поверишь!.. Нет ни одной мечты.

– А если вот так? – поцеловала его в губы.

– Приятно, но мало.

– И все? А что скажешь сейчас? – слились они надолго в едином поцелуе. Руки его невольно потекли от талии по ее телу. Одна из них пробралась под пальто к груди. Он почувствовал тепло женского тела.

– Есть мечта? – отобрала девушка свои губы и посмотрела в его карие глаза.

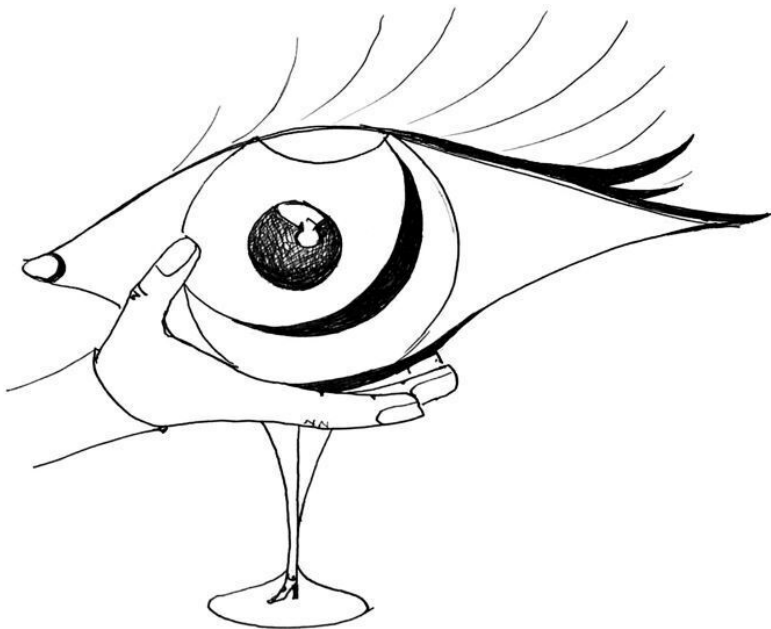
– Тебе откровенно?

– Да.

– Я мечтаю провести с тобой эту ночь, – не хотел он отпускать ее из своих объятий.

– Ну наконец-то. Теперь тебе есть о чем помечтать; мечтай, это не вредно, – метнула она вверх ворох собранных листьев и зашуршала от него осенней аллеей. Этот салют из листьев, словно стартовый пистолет, заставил его очнуться. Андрей сделал усилие, поднялся с коляски, сделал шаг вперед, потом второй и двинулся догонять мечту.

Исповедь



Однажды я уже была замужем. И знаешь, что поняла? Женщине не нужен муж, женщине нужен мужчина.

Периодически он появлялся на моем горизонте, мужчина, с которым у меня был страстный и горячий роман. Во мне к нему было скорее чувство благодарности и любопытство: моложе, очень красив, успешен – это внешне, ну а внутри – интересно и нестандартно мыслит, но не мой человек. Роман

он как-то странно скомкал, объяснив потерей работы и желанием развода с женой. Последнее меня, признаюсь, насторожило и немного испугало. Я никогда не захожу романов с одинокими мужчинами. Их же потом придется обслуживать. Меня они пугают своей нестабильностью. Короче, спокойно пожелала всего наилучшего. Но не тут-то было. Что там у тебя про независимые республики? Вероятно, когда они действительно внутри независимы, без желания признания своего статуса, это немного иное? Я вообще не понимаю этих «страстей» – статус любовницы намного приятнее, тем более, если женщина сама в браке. Ведь именно он (да и назван так) убивает всю прелесть и новизну! Зачем подкраивать себя под нового мужа, если уже есть свой, годами выверенный? Что за мазохизм? Утро было добрым, она – нет; виной тому острая сексуальная недостаточность.

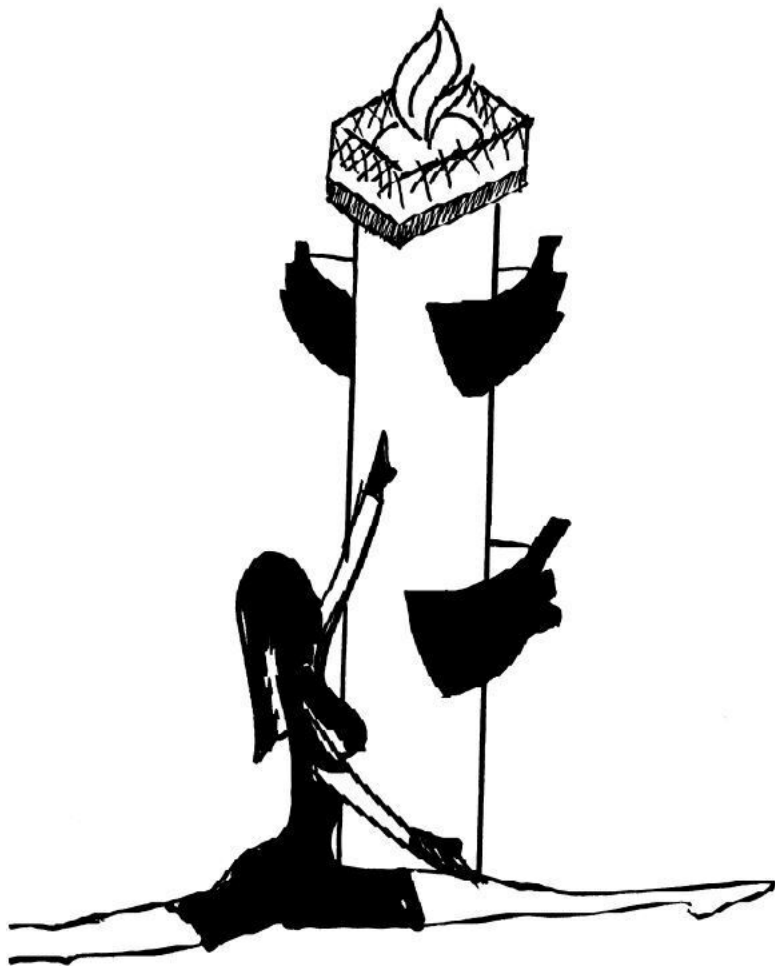
Ну да я отвлеклась от основного. Через год примерно он опять появился, сожалея. Зачем? Чтобы дружить. Не надо со мною дружить, это не развивает меня как женщину. Мне все это было странно, поскольку никогда не являлась объектом материальных мужских вложений. Но я не углублялась. Короче, все это время он периодически эволюционировал: звонил, интересовался, приглашал. Как-то я даже согласилась пообедать с ним, но когда он предложил продолжения, отказалась. К чему такое длинное предисловие? Где-то месяц назад он написал мне, что все у него с работой нормализовалось, что только из-за этого он тогда все прервал, а теперь

жаждет восстановить наши отношения на постоянной основе. Вот еще парадокс: мужчины что, все не имеют понятия о сроках давности в своих желаниях и считают их «объекты» замороженными во времени? И что как он помнит все: и начинались воспоминания действий и разговоров. Я была в шоке именно потому, что про добрые три четверти из всего этого ничего уже и не помнила! И заканчивался монолог: может быть, встретимся? Как о чем-то само собой разумеющемся. Единственную банальную фразу, которую я выдавила из себя, потому как все-таки надо было как-то реагировать, была: «Ты что, меня соблазняешь?»

Ну, это так, завязочка. Бретелька, на которой держится платье. На следующий день он мне звонит и дико извиняется. Его переписку вскрыла жена. Больше всего его разозлило, что она, видимо, наняла хакера, потому как сама бы сделать этого не смогла, потому как он сам компьютерщик и все такое...

Приятного в этом мне было мало. Потому как я всегда на стороне женщин, и откуда ей знать, что я уж точно не представляю угрозы для их брака, где трое детей и ее материальное и прочезависимое от мужа положение. Ему я ответила, что все это очень мне неприятно и волнительно, а также, что это показатель, что ничего нам «мутить» нельзя. А про себя вздохнула облегченно, что повод сам нашелся. Мне она звонила, но решительности не хватило, и, узнав, что говорит со мной, бросила трубку. Ну а теперь мой главный во-

прос к тебе: зачем, после всего этого, мужчина вчера опять звонил мне, сказав, что все успокоил дома и можем ли мы встречаться? О моем ответе ты наверняка догадываешься. Но непонятно другое: что я ни черта не понимаю в мужчинах! Да и, пожалуй, в женщинах тоже... Потому как весь этот тарарам жена устроила, чтобы пробудить чувство вины – ты вот такой ужасный Гудвин, но я тебе это прощаю, потому как велика моя любовь, а значит, еще ужаснее. А он чихать хотел на все эти спектакли и все равно гнул свою линию. Но при этом – дура она, дура, но своя же дура... Что это все? Поняла только, что никогда невозможно понять, на чем же держатся отношения. И главное – ЗАЧЕМ?.. И является ли любовница фактором риска или просто иногда катализатором? Может достаточно просто придумки о ней? Кто она? Если надежда – это Доброе утро, то вера – Спокойной ночи. Где-то между ними любовь с вечным вопросом: «Может быть, встретимся?».



Муза



– Почему люди так не любят понедельник?

– Потому что всю неделю они планируют в этот день начать новую жизнь, но в выходные им кажется, что и старая вроде ничего.

Ничего – центральное слово, ничего не беспокоило, ничего не происходило не только в будни, но еще категоричнее – в выходные. В жизни был полный штиль. Я вышел на улицу, передо мной возник проспект, заросший особняками. Рядом его жена – улица и дети, брошенные по сторонам на произвол судьбы переулки, дворы, скверы и подворотни. Скверно на душе, на дворовых площадках тоже пусто. Все развиваются на таких, пока не дорастут до больших площадей – дворцовых, на которые можно выйти, чтобы испытать судьбу всем миром или всей войной. В песочнице скучали оставленные, словно орудия на поле боя, пластмассовые игрушки: машинки, совки, лопатки и прочая техника. В моем детстве игрушки так не оставляли, ими дорожили, хотя, как твердили вокруг тогда, мы находились в шаге от коммунизма. Когда-то и я сооружал дворцы и замки из песка. Ну, замки – это громко, так как они были поставлены на поток: штамповали ведрами, переворачивая их, заполняли песочницу типовыми застройками. Что посеешь, то и пожнешь, а вот строил бы замки, глядишь, жил бы сейчас пусть не во дворце, но в частном загородном доме, как Марс. Когда-то я жил на этих детских площадках, ползал по железобетонным зверям, качался на качелях. Качели, правда, в моей жизни остались: катаясь

на них, я все больше убеждался в том, что на любых качелях хорошо кататься вдвоем. Качели тоже были пусты. Дети вышли. Без них спокойно и скучно. Они променяли песочное на жидкокристаллическое, они лезли из своего в другие красочные измерения. Они там были сильнее, быстрее, ловчее. Их привлекало могущество, которого там можно было достичь за мгновения. Здесь на это можно угробить жизнь, и не факт, что достигнешь. Да, измерение наше, увы, устарело, барахлит и покрылось плесенью. Оно антикварно, музейно, ретроградно. В бюро – бюрократы, в чувствах – чудовища, в море любви – пена, в богатстве забыли про Бога люди; люди забыли, что вдохновение – это вдох, обогащение – это Бог. Одна радость – женщины. Всякая женщина по весне, скинувшая с себя кольчугу быта и натянувшая на голые ноги легкость бытия, расценивалась мною как весна. Я выходил в них, я дышал ими, иногда их солнце улыбалось мне тоже. В ответ. Счастье мне приносила одна, но много. Каждый день – полные пакеты, полные карманы, полные глаза радости. Ее звали Елена. Она полностью отвечала своему сказочному имени. Как и положено своему имени, она действительно была прекрасна. Мы договорились встретиться после ее работы, чтобы поужинать вместе.

* * *

– Понедельник наступил, а новая жизнь так и не началась.

Где море, где кофе, где любящие меня люди?

– Ау, я здесь. Ты о чем, дорогая?

– Случилось то, чего я боялась больше всего: ты перестал меня удивлять, – произнесла Елена неожиданно, едва официант успел принести меню.

– Тогда стоит начать с десерта?

– Я серьезно. Наш союз исчерпал свое вдохновение. Возможно, конечно, еще потянуть несколько лет или даже целую жизнь, чтобы потом получить растяжение и лечить себя тем, что любовь перешла в стадию уважения.

– Понимаю, откуда дует ветер, – закрыл я окно, напротив которого мы сидели. Из него действительно тянуло прохладой. – Я просто попытался содрать со всех маски хотя бы на бумаге. Показать, какие они есть настоящие – взаимоотношения полов.

– Ты спал со всеми этими бабами?

– Да.

– То есть все это было на самом деле?

– Если быть до конца честным, все эти женщины – это ты.

– Я?

– Да, только в разных ипостасях, в разных масках.

– Отлично!.. Ты хочешь сказать, что написал краткую эротическую биографию моей жизни?

– Я написал так, как это бывает.

– Да? Тогда странно, что у нас такого никогда не было. Значит, ты это проделывал с другими. С кем, интересно? Да-

вай, рассказывай!...

– Дура ты моя, дурочка! – подошел я к ней и попытался обнять.

– Дура?

– Да, безумная.

– Тебя это заводит? – увернулась она.

– Да.

– Я всегда знала, что безумие – это моя сильная сторона, – она схватила вазу с цветами со стола и шмякнула ею о пол. Ваза с грохотом расплескалась фарфоровыми каплями по ковру, а подаренные цветы тут же превратились в некрасивые водоросли и растеклись по паркету. На шум оглянулись жители соседних столиков. Из паркета вырос официант, которому Елена успела мило улыбнуться и процедить через губы: «Извините, случайность». Тот молча начал сметать фарфоровые осколки любви.

– Хватит истерить! – стряхнул я с себя капли внезапного дождя.

– Это не истерия, это – артистизм, – она взяла в руки блюдо, на котором только что еще жила ваза.

– Ну, перестань, я прошу тебя, давай спокойно во всем разберемся.

– Да, я – неудовлетворенная дура, которая хочет, чтобы ее любили всеми средствами и способами, даже самыми неприличными.

– Ты хочешь сказать, я тебя не люблю? – пытался я объяс-

няться как можно тише, чтобы не привлекать свидетелей. Но они уже были наготове и ловили каждую фразу ловушками своих ушей, будто всю жизнь играли в бейсбол.

– Я не хотела бы говорить. Но ты сам об этом написал.

– Как ты не понимаешь. Ты внимательно читала? Я же написал в своей книге про общество без масок с нормальными порывами.

– Мне они не показались нормальными. На грани извращений. Именно то, чем мы можем питаться только в наших фантазиях.

На слове «извращений» официант поднял голову: видно было, что оно его заинтересовало. Мне кажется, он даже готов был сам предложить нам тарелку на бой, лишь бы досмотреть драму до конца.

– Так вот о чем твоя постоянная задумчивость?

– А твоя разве нет? Только не надевай на себя маску праведника. Так ты все-таки спал с ними?

– Хорошо, считай, что я переспал со всеми женщинами, которых только встретил.

– Я знаю, что у тебя их было достаточно.

– Ну и что это меняет? – подозвал я официанта, чтобы рассчитаться за этот порыв чувств.

– Теперь, может, я тоже хочу и именно так, как ты описал.

– Прямо здесь?

– С ума сошел?

– Нет.

– А жаль, похоже, по мне так никто и не сойдет с ума.

Разве что эта бедная ваза.

– Почему бедная?

– Ваза без цветов, что женщина без любви – бедна.

Спутник



– Почему осенью резко падает настроение?

– Потому что все позитивные люди сбиваются в стаи и улетают на юг.

– А мы почему до сих пор здесь?

– Мы – одиночки, мы – психи, мы пытаемся поймать кайф от листопада, – ответила мне Люба, лежа в моих объятиях.

Осенью лирика была налицо. Это было видно не только на моей блаженной физиономии – такая бывает, когда человек влюблен или душевно болен, что одно и то же; стихи лились из меня, как из рога изобилия. Мой рог изобиловал по воскресеньям. В воскресенье на почте был выходной, и никто нам с Любой не мог помешать наслаждаться обществом друг друга среди писем, посылок и бандеролей. Никого нельзя было так послать далеко, как посылки. Мы посылали все и всех подальше и наслаждались друг другом.

Каждое воскресенье ждал, как Новый год. По воскресеньям я воскресал. Но скоро воскресенья стало не хватать, этого для любви показалось чертовски мало.

Мне, такому любителю получать знания, познавать что-то новое, после встречи с Любой сидеть в школе за партой по шесть часов в день иногда становилось невыносимо.

Эту задачу я решил легко. Просто стал прогуливать по одному уроку. Начиналась перемена, я шел на почту и приходил к следующему уроку. Трудно ходить на уроки, когда в голове полярное сияние хрустальный светом озаряет полнеба, а под ногами только примитивные ноты снега: хрум-хрум. От почты и дома, где жила Люба, до моего дома было

восемь километров. Благо, школа в Печенге находилась в пяти минутах от почты. Утром в школу учеников из Спутника, где я жил, в Печенгу отвозил автобус, а после школы в 14:30 привозил обратно. По субботам я со своей группой играл на танцульках. И единственная ночь, которую я мог проводить с Любой, была с субботы на воскресенье. Поэтому дневные короткие встречи были как нельзя кстати, словно приятный десерт в рутине будней. Их можно было сравнить с бесконечностью заполярных сопок, так похожих друг на друга. Среди которых так легко было заблудиться, сгинуть, пропасть, потому что одна была вылитая следующая. А пропадать никак не хотелось, потому что в ушах звучали Битлы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.